

НЕ УХОДИ, СОЛОНГО!

Повесть

*Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..*

Ф. Тютчев

1. Четырнадцать

При минус тридцать исчезают запахи.

При минус сорок еще можно работать на улице.

При минус пятьдесят душа вещей изменяется.

Рукоять топора жжет, как железо. Соляровое масло превращается в серый холодец. Бензин не вспыхивает, а лениво, нехотя загорается. И тяжело дышать.

Под вечер, при замене лопнувшего трака, Антон Солохин уронил лом на каток трактора. Стальной прут отскочил и распался надвое.

Михаил Кравцов сдвинул вниз заиндевелый воротник свитера, закрывавший лицо:

— Эх, и давит же седни! Ну-ка глянь, скока там? — он двинул головой в сторону спирального «летчицкого» термометра, привинченного к выступу кабины.

Антон глянул. Красная стрелка дрожала справа от черты -58. Он скинул рукавицы и показал пять пальцев и девять.

— Четырнадцать? Не шуткуй, паря, утресь сорок два было!

Антон усмехнулся, раскрыл лицо, тоже до самых глаз закрытое шарфом, и крикнул напарнику на ухо:

— Пятьдесят девять, Михал Михалыч!

— Пиисят девять? От-то да-а... Эдак-ту доедем к едрене фене! Отстягай сани, возвращаемся взад!

2. Антон

В поселке стояла необычная тишина. Ни лая собак, ни криков детей, ни привычного шума снегоходов. Лишь тяжкий гул дизельной электростанции да скрип снега под ногами. Редкие прохожие, прикрывая лица, спешили мимо, дым из печных труб поднимался вертикально вверх и медленно растекался в стороны. Поселок казался накрытым гигантским серым колпаком.

У занесенного снегом домика сгорбленная бабушка била топором по корявому корню лиственницы. Мелкие щепки отлетали в стороны, топор стеклянно блестел под луной.

— Позвольте я?

Женщина выпрямилась и некоторое время так пристально смотрела на Антона, что ему стало неприятно.

— Да, пожалуйста.

Белая песцовая шапка и белый от инея платок на лице.

Отдав Антону топор, женщина стала отпиливать ножовкой от сугроба брусочки твердого, как дерево, снега и растаптывать их в снежную пыль. Эту пыль она собирала в стоявшее рядом ведро, пока не наполнила его до краев.

Мысленно пожав плечами, Антон осторожно, стараясь не делать глубоких вдохов, принялся колоть коряжку, исподтишка наблюдая за странными действиями бабушки.

Наполнив ведро снежным песком, она принесла из дому два чайника с кипятком, вылила воду в ведро и палкой размешала содержимое до однородной массы. Зачерпнула рукой эту серую кашу и ловко залепила ею заиндевелую щель-отдушину между оконным блоком и стеной избушки.

«Где ж ты раньше была, лентяйка? Не могла летом щели глиной замазать? Пока гром не грянет, да мороз не ударит...»

— Что вы делаете, женщина? Ведь шестьдесят давит — руки отпадут!

— Не отпадут, а тундру не натопишь.

Она быстро замазала все щели на обоих окнах и, когда Антон весь в клубках морозного пара внес в избу первое беремя дров, женщина уже сидела у печи перед открытой заслонкой, протянув к огню дрожащие красные руки. Иней на ее платке таял, стекал вниз и ледяными гвоздиками застывал на полу.

— Подождите, я свет включу.

В сенцах и в комнате загорелись тусклые лампочки. Антон опять набрал полное беремея дров, плотно прикрыл за собой наружную дверь и тут заметил стоящего в углу пожилого мужчину в одежде оленевода.

Глаза его были закрыты, голова в росомашьей шапке¹ неловко повернута к плечу, руки бессильно опущены вдоль тела.

Человек, казалось, спал. И спал давно: несколько крупных рыбин, приставленных к его бокарам² из оленьего камуса³ уже покрылись инеем.

«Поддатый, что ли?»

Уложив дрова на пол у печи, Антон счел нужным заметить:

— Что же мужика в дом не пригласите? Мороз такой. И без рукавиц...

Женщина медленно сняла-раскрутила платок с головы, встала с табуретки у печи и подняла к Антону молодое скуластое лицо.

Перед ним была ровесница, девушка лет двадцати или двадцати двух. Соломенно-желтые волосы в струпьях инея комком свернулись на воротнике оленьей парки, черные брови дугой лежали над черными глазами, на полной нижней губке дрожали светлые капельки.

— Уже не надо рукавиц. Он умер.

— ?

— Отец мой. Сегодня ночью...

— Мои соболезнования... Надо людей известить. Похоронить.

— Уже были тут все. Доктор, сельсовет, соседи. Сейчас могилу копать — живых заморозить. Пусть потеплеет. Я только позавчера с городу. Из ФАП⁴ звонили. С воспалением легких привезли из тундры. Не хотел в больницу. Слава Богу, живым застала. Поговорили...

— Что ж... Никто не знает, сколько ему времени отпущено.

Девушка вскинула голову:

— А времени нет. Это люди придумали.

— Как это, времени нет? Что за... — Антон уже собрался сказать «ерунда», но быстро поправился: — Голословное утверждение! А течение человеческой истории? Да хоть времена года возьмите, или хоть один день в году! Все нанизано на ось времени, от прошлого к будущему. Так что...

— Это он так говорил: «Вечно катится Колесо Жизни, а времени нет, Солонго!»

Торжественно, с расстановкой произнеся эти, очевидно, дорогие ей слова, девушка отвернулась и стала ножом отрезать от лежащего на столе снежного бруска комочки и бросать их в чайник, затем вытерла доньшко чайника тряпкой и утвердила его на красной от жара плите.

— Нельзя снеговую воду пить, — сказал Антон, чтобы не молчать.

— Почему нельзя?

— Она активная. Соли вымывает. Вредно для костей.

— О-о! Я столько выпила. И на гимнастику ходила. И ничё!

— Это сейчас. А к старости скажется.

— А будет она, старость? Вон отцу — сорок семь. Крепкий, сильный, все на себе таскал. А тут в полтинник по сети пошел, лунки долбить. Вспотел — и все. Сгорел от жара.

«Сам виноват, — чуть было не вырвалось у Антона, — а то не знал, что в пятьдесят градусов чай пьют да лясы точат, а не сети смотрят?»

На чайнике захлопала крышка.

— Что быстро так?

— А я мало положила. На две чашки. Стынет махом... Пока пить будем, второй закипит... — помолчав, добавила: — Это меня Солонго зовут.

— А я — Антон.

— Очень рада, — она чуть улыбнулась. — Вот тута сахарок, а повидло не отошло, но уже можно скрести, поддается.

— Ни к чему, я так.

— Никак избу не прогрею... Все утро ревела, потом люди ходили, еще больше выстыла. Потом угля не могла наколупать, а дрова — пых и нету. Долбила-била по куче ломом... А в лето дождь намочил — бетон. Уже потом мужики подошли с кувалдой. Теперь до утра хватит. И тебе за дрова спасибо, на разжижку надо. А вишь — и потеплело враз!

В уголке у печи стояли два жестяных ведра с углем. Сталагмиты на полу превратились в лужицы, а иней на стенах потек вниз блестящими нитями. Избушка, казалось, плакала.

Солонго быстро вытерла пол и плинтусы тряпкой и положила ее на дрова у печи.

— Со вчера не ела. Давай состругаем?

Антон промолчал.

¹ Росомашья шапка — мех росомахи не индевет и в сильные морозы не обжигает лица.

² Бокари — высокие сапоги.

³ Камус — шкура, снятая с ног оленя, очень стойкая на износ.

⁴ ФАП — фельшерско-акушерский пункт.

Девушка вышла в сенцы и вернулась с большим чиром⁵ в руках, одной из тех крупных рыбин, что были прислонены к ногам умершего.

Солонго обдала чира кипятком над ведром у рукомоиника, ловко содрала ножом отставшую кожу и принялась строгать все еще мерзлую рыбину, как строгают сосновую чурочку. Тарелка быстро наполнилась красивыми, закрученными в кольцо желтоватыми стружками с прожилками жира на них, и густой огуречный запах свежей рыбы расплылся в комнате.

— Ешь, Антон, и хлеб уже оттаял!

Девушка пододвинула к нему чайное блюдце с горкой соли на нем и подождала, пока мужчина возьмет первый кусок.

Антон обмакнул самую маленькую стружку в соль и с трудом съел, не чувствуя ни вкуса, ни запаха.

Вот стоит за дверью мертвый отец этой девушки, она же, не то чтобы в трауре попоститься — еду приготовила из рыбы, прислоненной к ногам покойника.

Между тем Солонго съела несколько стружек и запила чаем.

— Антон, — сказала вдруг тихо и вопросительно подняла к нему опухшее лицо, — Антон, останься сегодня здесь на ночь. Я тебе на топчане у печи постелю. Не думай, он в спальне умер... — она повела рукой в сторону, — я там, а ты здесь. Все не одна. Хорошо?

Дверь в соседнее помещение была снята с петель и стояла рядом. Свет там не горел и мрачный черный прямоугольник казался входом в потусторонний мир.

— А что, родни нету? — парень сглотнул ком.

— Тут нету. Кочуют. А в такой мороз никто не приедет, нельзя аргишить⁶, олени падают, — Солонго быстро глянула ему в лицо, сникла и опустила голову.

Медленно допила чай и добавила серым голосом:

— Спасибо тебе, душевный ты человек.

— Солонго, да я бы — какой разговор! Но как раз дел куча набралась. На зимовку завоз готовим. То да се надо, треть... Вот разберусь — и с утра приду. Угля наготовлю и дров, и чего там еще, а сейчас, пойми, бежать надо.

— Да-да, спасибо еще раз.

У себя в общежитии Антон уселся на низкий стульчик у батареи отопления и прижался к горячим ребрам спиной. Хорошо-то как! Не надо печку топить!..

Ночью к нему в сон явился незнакомый оленевод в бокарях и росомашьей шапке, но без инея на усах и ресницах. Сказал с укором: «Зачем, паря, девку обидел? Холод такой, дак ты холодной!»

Солонго не сразу закрыла за гостем дверь, а некоторое время смотрела ему вслед.

Голос этого человека так похож на низкий с трещинками голос отца. Даже оторопь взяла. Слишком долго и пристально на парня смотрела, как не смотрят на незнакомых. Нехорошо так...

Она прошла в комнату и прижала руки к покрытому морозной шубой стеклу. Когда заломило косточки и стало мокро под пальцами, оторвала руки. Сразу — запах талого снега, затем на светлых отпечатках быстро растут кристаллики льда. Сначала это просто короткие колючки-иглолки, потом они ветвятся. Растут и толстеют.

И вот уже на стекле морозная картина: нездешняя трава, нездешние странные листья, цветы, кусты и деревья.

3. Солонго

Восьмилетняя девочка дует на покрасневшие мокрые пальцы, берет карандаш и срисовывает «стеклянные» рисунки в блокнот. И обязательно добавит что-нибудь свое: рыбку, шмеля, оленя, косоглазого ушкана-зайца, а то и дракона с шипастым хвостом и перепончатыми гусиными лапами.

Рисунки эти видит Кинкэ, а по-русски Кирилл, отец Солонго, и говорит:

— Учиться тебе надо, дочь.

Солонго смотрит исподлобья. Не хочет она в интернат. Там тоскливо. Там плохо пахнет. Там злые мальчишки и нету оленей.

— Купи мне краски, амму!⁷ Я здесь буду рисовать.

Отец привозит цветные карандаши и книжки с картинками. Солонго срисовывает рисунки Деда Мороза и раскрашивает их. И добавляет зелени. Много зелени добавляет Солонго. Солнце, тучи и радугу, гусей, собак и оленей рисует Солонго. И в зимние каникулы делает себе лето. Теплое, радостное лето делает себе Солонго. Только комаров она не рисует: надоели злые комары.

Вот возвращается из стада Кинкэ. Заходит в свой, обтянутый покрывалом из оленьих шкур, пастушеский балок на полозьях и садится пить чай.

Пахнет свежим хлебом и горячим оленьим жиром.

Это восьмилетняя дочь напекла «ома» — лепешек из теста на соде.

⁵ Чир — рыба семейства сиговых.

⁶ Аргиш — караван из оленьих упряжек. Переезд на новое место.

⁷ Амму — отец (эвэнк.)